

РЕЦЕНЗИИ

Российская версия социологии древности

С. Б. Крих

Для цитирования: Крих С. Б. Российская версия социологии древности // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 1006–1015.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.319>

В рецензии разбирается книга «Берега Ойкумены. Историческая социология о парадоксах хозяйственной жизни Древнего Востока» российского ученого С. А. Давыдова, состоящая из трех глав, в значительной мере являющихся тематически связанными самостоятельными очерками: первая посвящена генезису государства, вторая — ранней истории Древнего Египта и его «мобилизующей экономике», третья — древнему месопотамскому обществу, особенно вопросу свободы и рабства в его экономической деятельности. Рецензент отмечает, что использование научных трудов из вторых и третьих рук, равно как и фактические ошибки, заметно отражается на качестве монографии. Значительная часть работы представляет собой реферирование избранных мест из нескольких знаменитых трудов (например, «Экономики каменного века» М. Салинза), что понижает самостоятельность работы и демонстрирует неоригинальность использованного в ней фактического материала. Проблема заключается даже не столько в несамостоятельности материала для книги, сколько в том, что Давыдов недостаточно знаком с историей развития науки о Древнем мире и поэтому нередко считает актуальными те концепции, которые сегодня давно признаны устаревшими. Основные идеи С. А. Давыдова далеко не так смелы и свежи, как ему представляется. Когда автор оспаривает деспотический характер древневосточных обществ (Египта и Месопотамии), он борется, по сути дела, со стереотипным восприятием деспотии, которое очень

Сергей Борисович Крих — д-р ист. наук, проф., Омский государственный университет им. Достоевского, Российская Федерация, 644077, Омск, пр. Мира, 55-а; KrihSB@omsu.ru

Sergey B. Krih — Doctor in History, Professor, Dostoevsky Omsk State University, 55-a, pr. Mira, Omsk, 644077, Russian Federation; KrihSB@omsu.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014 «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.»).

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-41014 (“From the Holy Land to the Slave Formation: The History of the Ancient Near East in Russian Historical Scholarship in 20th century”).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

далеко не только от реальных знаний о конкретных исторических сообществах, но не имеет отношения и к современному теоретическому их пониманию. Размышления автора о дихотомии свобода — рабство в Древнем мире лишь приближаются к тем идеям, которые были высказаны уже более полувека назад (М. Финли, И. Гельбом) и также не могут быть признаны оригинальными. Тем не менее самая попытка историко-социологического анализа древней истории заслуживает внимания и может оказаться полезной для развития исторической науки.

Ключевые слова: историческая социология, возникновение государства, Древний Египет, Древняя Месопотамия.

The Russian Version of the Sociology of Antiquity

S. B. Krikh

For citation: Krikh S. B. The Russian Version of the Sociology of Antiquity. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 3, pp. 1006–1015.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.319> (In Russian)

The article reviews the book “The Banks of the Oecumene. Historical Sociology about the Paradoxes of the Economic Life of the Ancient East” by the Russian scientist S. A. Davydov. The book is comprised of three chapters: the first chapter deals with the genesis of a state; the second — with the early history of ancient Egypt and its “mobilizing economy”, and the third — with the ancient Mesopotamian society, particularly, with freedom and slavery in its economic activity. The author of the article points out that references to scholarly works in other sources and factual lapses significantly impair the quality of this work. A considerable part of the book is a review of selected fragments from several famous books (for example, “The Stone Age Economics” by M. Sahlins), which impacts the independence of the work. The problem lies not only in the lack of original material for the book, but in the fact that Davydov is not sufficiently aware of the history of the development of scholarship about the ancient world, and therefore often deems relevant such theories that have been recognized as outdated for a long time. Davydov’s key ideas are not as fresh and bold as he thinks. For example, when the author questions the despotic nature of ancient Eastern societies (Egypt and Mesopotamia), he challenges a stereotypical perception of despotism, which is far from the knowledge about ancient societies and not connected with contemporary scholarly theories. The author’s reflections about “freedom — slavery” in the ancient world only come close to the ideas put forward by M. Finley and I. Gelb more than fifty years ago. Nevertheless, the attempt of a historical and sociological analysis of ancient history deserves attention and may be useful for the development of historical scholarship.

Keywords: historical sociology, genesis of a state, Ancient Egypt, Ancient Mesopotamia.

Историческая социология — отрасль знания не то чтобы слишком новая, но в нашей науке до сих пор не нашедшая своего более или менее определенного места. Попытки определить ее содержание могут сводиться к узкому варианту анализа общих теорий исторического развития или к более широкому пониманию сочетания теоретических и практических исследований прошлого¹, но в общем и целом речь идет о стремлении понять историческое развитие в социологических

¹ Ср.: Афанасьев В. В. Социология истории. М., 2008. С. 3; Романовский Н. В. Историческая социология. М., 2009. С. 28.

категориях. Однако это неопределенное положение не означает того, что историческую социологию следует игнорировать. Поскольку процесс взаимодействия наук — явление логичное и в принципе неизбежное, историкам в любом случае придется оценивать социологические работы в смежных сферах, и потому важно видеть, какие на этом пути есть перспективы и сложности.

Историю древности нельзя отнести к благодатным темам для чисто социологических штудий, хотя даже для нашей страны можно говорить о том, что историко-социологическая тематика имеет свою традицию: когда в споры об устройстве древних обществ (особенно в период «второй» дискуссии об «азиатском способе производства») начали включаться не только исследователи таких обществ, но и ученые из смежных наук, то сейчас, постфактум, это можно считать зарей социологического подхода². Рецензируемую книгу³ вполне допустимо анонсировать в качестве возрождения подобной тенденции, но в изменившихся условиях: если советское «социологизирование об истории» строилось в первую очередь на приемах марксистской схоластики, то книгу С. А. Давыдова отличает стремление увязать общие соображения с социологическим анализом конкретных исторических фактов.

Монографии предшествовали статьи (этим объясняется ряд не дословных, но смысловых повторов в тексте (ср.: с. 70 и 86, 64–65 и 91–92))⁴, при этом структура ее достаточно проста: кроме введения и заключения (поименованного по распространенной ныне моде «вместо заключения») она содержит три главы: первая посвящена вопросу возникновения государства, вторая — египетской общественной структуре, третья — шумеро-вавилонской. Каждая глава разделена на два параграфа: первый анализирует генетику объекта исследования, второй пытается раскрыть его сущность. Ниже я попробую предложить основные параметры, по которым можно оценить указанный труд.

Обращаясь к историко-социологической работе, можно вспомнить в качестве ориентира книгу уважаемого автором К. А. Витфогеля о восточном деспотизме. Витфогель не работал с историческими источниками как таковыми и не читал на древних языках, но он использовал для своих обобщений (кто-то удачно назвал труд такого рода метамонографией) последние публикации профессионалов. Да, на этом пути были ошибки: например, Витфогель воспроизвел теорию о храмовом государстве в Шумере (восходящую к работам 1920-х гг. шумеролога А. Деймеля и экономиста А. Шнайдер), не заметив недавно появившейся (и вскоре победив-

² Например: *Крапивенский С. Э.*: 1) Особая формация или переходное состояние общества // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 2. С. 87–91; 2) Переход к феодализму как социальная революция // *Методологические и историографические проблемы исторической науки*. Вып. 5. Томск, 1967. С. 52–75.

³ *Давыдов С. А.* Берега Ойкумены. Историческая социология о парадоксах хозяйственной жизни Древнего Востока / под ред. Р. А. Костина. СПб., 2016. — Далее ссылки на страницы книги даются в скобках по тексту.

⁴ Приведу лишь некоторые работы: *Давыдов С. А.*: 1) Деспотизм в практике управления хозяйственной системой Древнего Египта: мифы и реальность // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2016. № 1. С. 5–21; 2) Политогенез древнего общества: непрямой путь к раннему государству // *Власть*. 2016. Т. 24, № 8. С. 155–159; 3) Древняя Месопотамия: скованная свобода и эмансипированное рабство // *История и современность*. 2015. № 2. С. 74–92; 4) Принципы управления хозяйством в Древнем Египте: современное звучание // *Вестник факультета управления СПбГЭУ*. 2017. № 1–2. С. 527–532.

шей) теории двухсекторальной экономики, но, скорее всего, выйди его книга двумя-тремя годами позже, смог бы учесть и ее. В книге Витфогеля есть ошибки, вызванные недостаточным пониманием тех сюжетов, которые он использовал, но есть и несколько явных ляпов в изложении базовых исторических фактов. При этом, отталкиваясь от теории Маркса (отталкиваясь одновременно в смысле и развития, и отвержения), Витфогель смог предложить новые идеи для общего понимания исторического процесса; дискуссионность его тезисов способствовала в конечном счете развитию не только социологического, но и исторического знания. Из данного примера можно сделать вывод, что сравнительно высокая корректность обращения с материалом и продуктивность собственной концепции являются базовыми критериями в оценке работ, написанных на стыке дисциплин.

Уровень самостоятельности. Издание С. А. Давыдова обозначено как научное, и обширный список литературы внешне подтверждает это. Увы, в значительном количестве случаев для читателя достаточно очевидно использование ложных ссылок. Приведу конкретный пример: на с. 74 цитируется перевод декрета А из Коптоса, дословно совпадающий с переводом из хрестоматии 1950 г. под редакцией В. В. Струве, причем ссылка указывает на французское издание источника Р. Вайля от 1912 г. с исправлениями К. Зете, и вовсе не на конкретное место, откуда будто бы взята цитата, а сразу на весь текст рецензии Зете на книгу Вайля⁵. Подобным же образом, приведя небольшую цитату, автор ссылается сразу на 110 страниц другой работы К. Зете (с. 64, примеч. 188). Понятно, что перед нами как минимум неопрятность, которая заставляет читателя сомневаться в реальном знакомстве С. А. Давыдова с большей частью той литературы, которую он приводит в своей книге, причем часто это очень редкие и специальные издания (кстати, ссылки на зарубежную литературу в монографии не отличаются единообразием оформления).

Не следует думать, что автор вообще не штудировал никакой научной литературы самостоятельно. С явным знанием излагается Витфогель и основная критика на него, тщательно проработана «Экономика каменного века» М. Салинза и еще одна его ранняя статья, «Древнее общество» Л. Г. Моргана, использованы работы о раннем государстве, выходявшие преимущественно под редакцией Л. Е. Гринина. Однако и здесь не обошлось без погрешностей. Например, С. А. Давыдов пишет: «Ряд исследователей все же ставят (так в тексте. — *Авт.*) под сомнение адекватность индуктивных выводов Витфогеля о том, что рост масштабов ирригационного земледелия имеет прямую связь с ростом бюрократии и усилением деспотизма в сфере труда» (с. 46). Вообще-то, Витфогель подчеркивал, что регулирование водных ресурсов не обязательно приведет к правительственному контролю, а тот — к деспотизму (и перечислял ряд дополнительных условий). Прямо в начале его книги написано: «Слишком малое или слишком большое количество воды совсем не обязательно приводит к контролю правительства за водой»⁶.

⁵ Настоящая цитата и немецкий источник, см.: Хрестоматия по истории древнего мира / под ред. В. В. Струве. Т. 1: Древний Восток. М., 1950. С. 44; *Sethe K.* [Rez.:] R. Weill, Les décrets royaux de l'ancien empire égyptien. Étude sur les décrets royaux trouvés à Koptos... et sur les documents similaires d'autres provenances. Avec 12 planches. Paris 1912, Geuthner. 4°. 111 Seiten. 30 fr. // *Göttingische gelehrte Anzeigen*. 174 Jahr. Berlin, 1912. S. 708–709.

⁶ *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven; London, 1963. P. 12.

Что касается Салинза, то он очень сильно повлиял на автора монографии: на протяжении почти трети работы встречаются тезисы и примеры из «Экономики каменного века», что подтверждается и совпадением библиографии. Выглядит это примерно так: после изложения мыслей и примеров из Салинза (часто оно сводится к перефразированию), автор использует для подтверждения данных идей Д. Фрэзера (с. 20), затем дает еще более абстрактно относящуюся к повествованию цитату из К. Маркса (с. 21), после излагает «Очерк о даре» М. Мосса (с. 22–24), вскоре опять возвращается к реферированию Салинза (с. 26–27)⁷, завершая все собственным подведением итогов. Та же схема повторяется при описании возникновения государства в Египте: пересказ статьи Д. Б. Прусакова (с. 48–52)⁸ дополняется общими соображениями авторов-теоретиков — от А. Смита до А. В. Коротаева — и авторскими умозаключениями с обильным использованием социологической терминологии.

Важно не только то, что эти заимствования как будто стыдливо камуфлируются, но и то, что С. А. Давыдов, очевидно, не видит проблемы в обращении к тому же Д. Фрэзеру как к актуальному ученому. Часто бывает заметно, что автор не знает истории исследования того или иного вопроса, и это ставит его в трудное положение⁹. Из вышесказанного можно заключить для начала то, что некоторое знание историографии повысило бы качество работы «историосоциолога» (с. 5).

Уровень фактологии. Конечно, уровень фактологии напрямую зависит от предыдущего пункта. Социологический подход и так подталкивает автора к тому, чтобы рассматривать сюжеты не столько в развитии, сколько в срезе, а неуверенное владение фактами усугубляет ситуацию. Египтяне и шумеры с вавилонянами мыслятся в принципе как два неизменных общества: по крайней мере, к ним обычно прилагаются одни и те же характеристики на всем протяжении их существования, и примеры из разных эпох рассматриваются как обладающие равным весом¹⁰.

Пожалуй, еще сложнее дело обстоит с первой главой: хотя С. А. Давыдову и знакомо разделение цивилизаций на первичные (возникшие впервые без влияния соседних цивилизаций) и вторичные, по факту он его не использует; не смущает его и применение без особенных оговорок примеров из жизни тех народов, которые сами никогда не перешли к государственности, а кроме того, проживали в природно-климатических условиях, заметно отличных от тех, которые были у обществ древних египтян, шумеров, китайцев или жителей долины Инда. С этой точки зрения перед нами очень архаичский недифференцированный подход, который можно было бы отнести к стадии науки XIX в., если бы он до сих не присутствовал и во

⁷ Ср.: Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. С. 29, 26–27, 38.

⁸ Прусаков Д. Б. О причине «позднего» перехода к неолиту и производящему хозяйству в Египте (Материалы для ландшафтно-климатической реконструкции) // История и современность. 2005. № 2. С. 80–112.

⁹ Иначе нельзя объяснить то, что, говоря о последователях Витфогеля в воззрениях на деспотический характер восточных обществ, С. А. Давыдов ссылается... на хрестоматию под редакцией Струве (с. 45, примеч. 122), кстати, без указания страниц. Без сомнения, подразумевается следующее издание: Хрестоматия по истории древнего мира / под ред. В. В. Струве. Т. 1: Древний Восток. М., 1950. С. 9.

¹⁰ Например, среднеассирийские законы характеризуются так, словно бы они продолжали идеи Законов Хаммурапи в рамках одного и того же общества (с. 104–105).

многих современных работах. В таком случае можно высказать лишь сожаление, что автор не преодолел его.

Некоторые характерные ошибки: в ряде случаев вавилоняне называются халдеями (с. 96, 98), земледелие возникает после скотоводства (подвело доверие к Энгельсу — с. 28), шумерский город Пузришдаган поименован как «Пуприждаган» (с. 101)¹¹.

Понимание фактов также выдает слишком современный подход: С. А. Давыдов полагает, что обращенные к сыновьям призывы отцов усердно учиться, которые содержатся в посвященных доле писца египетских и вавилонских сочинениях, объясняются «открытостью структуры общества» и страхом отцов за то, что сыновья не унаследуют им (с. 94). Только в традиционных обществах, с их культивированием чувства долга, призывы хорошо исполнять предписанные обязанности вообще никак не связаны с тем, «закрыта» или «открыта» структура общества, а такого рода декларативные сочинения имеют не много общего с переживаниями современных родителей, убеждающих ребенка пойти в престижный университет¹².

Широкий хронологический охват открывает простор для манипуляций с источниками и примерами. Таковы, например, рассуждения о том, были ли египтяне «относительно гуманны» и как часто по сравнению с другими странами Древнего мира (по мнению автора, очень умеренно) они применяли смертную казнь (с. 69–73). Не буду рассматривать все приведенные С. А. Давыдовым аргументы, позволю лишь утверждать, что сравнение с большинством традиционных обществ покажет приблизительно ту же картину, поэтому нет никакой причины считать хеттов, китайцев, индусов или вавилонян менее (или более) гуманными, чем египтяне.

Наконец, иногда фактической аргументации может не быть совсем: такой важный для авторской концепции тезис, как «пресс демографической нагрузки» (с. 60) по отношению к ранней египетской истории, обоснован лишь рассуждениями о том, что так должно было быть.

Уровень идей. Если историческое исследование, проявившее слабость в первых двух пунктах, безусловно, следует считать несостоятельным, то в случае с социологическим анализом рискну осторожно заявить, что полезные новые мысли могут хотя бы частично перевесить указанные выше недостатки.

В случае с первой главой я не могу назвать ни одной идеи, которую можно признать оригинальной, да и сама логика рассказа представляется мне в принципе

¹¹ Здесь целая цепочка искажений. А. И. Тюменев в своей монографии о Шумере использовал вполне допустимое чтение «Пуцришдаган», но в сам текст закралась опечатка в виде «Пуприждаган», которая была замечена и внесена в лист исправлений и опечаток. Р. М. Нуреев при написании главы для «Всемирной истории экономической мысли» не только воспроизвел опечатку, но и допустил вторую, превратив город в «Пуприждаган» (см.: Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. С. 256–257; Всемирная история экономической мысли. Т. 1: От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической экономии / под ред. И. П. Фаминского. М., 1987. С. 54). Ошибочное название воспроизвел С. А. Давыдов, при этом указав неправильные страницы последней книги («52–53» вместо «53–54»), возможно не разобравшись с особенностями ее оцифровки в интернете (см.: URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mys/lye/cjn/otik/2.htm#10>). В современных публикациях на русском языке преобладает написание «Пузриш-Даган».

¹² Сам пример не нов и тоже взят из «Всемирной истории экономической мысли», но в ней он использовался как раз для доказательства наличия «возрастных классов и социальных разрядов» (см.: Всемирная история экономической мысли. Т. 1. С. 39–40).

нерабочей, ибо хорошо иллюстрируется следующим высказыванием: «Формируя слой менеджериальной аристократии для обеспечения бесперебойного функционирования механизмов редистрибуции, поощряя производство и торговлю, постепенно создавая легитимирующую их власть идеологию, вожди шаг за шагом приближали древнее общество к образу раннего государства» (с. 43). Считаю, что если ответ на вопрос о возникновении первых государств сводится к словам «постепенно» и «шаг за шагом», то здесь нет никакого ответа ни с исторической, ни с социологической точки зрения. Механизм перехода от вождей к ранним государствам не показан (кстати, этим грешат и многие другие работы, претендующие на решение вопроса).

Обратимся к истории Египта. Здесь основные идеи автора таковы: возникновение государства логичнее всего объяснять исходя из демографической теории — рост населения заставил протоегиптян (судя по контексту, они понимаются чуть ли не как единый народ) пойти по пути создания мобилизационной экономики, которую, однако, не следует ассоциировать с установлением деспотизма. Египетское общество, управляемое «менеджериальной аристократией» (с. 61), не было ни кастовым, ни классовым (с. 62), в нем присутствовала достаточная социальная мобильность (с. 64 и т. д.), в том числе вертикальная (с. 67), а также оно не отличалось чрезмерной жестокостью к подданным (с. 67 и т. д.).

Если говорить о месопотамской истории, то главная идея С. А. Давыдова сводится к тому, что именно данное общество и следует считать первооткрывателем индивидуализма и деловой активности, мощь которой была такова, что преодолевала любые сословные границы, размывая преграду между рабством и свободой. Древнемесопотамское общество также не является деспотическим, доводы в пользу этого похожи на аргументы из второй главы (с. 98). В заключении к работе автор призывает и в современном мире частично жертвовать принципами рыночной эффективности ради более защищенной и стабильной жизни людей (с. 118–119).

Что можно сказать об идее «недеспотизма» в Египте и Месопотамии? Надо полагать, прояснение терминологии по отношению к строю древних обществ — в настоящее время необходимая исследовательская задача, и в этом смысле слова монография указывает на наши сложности и сомнения в понимании египетской монархии. Но аргументация, использованная С. А. Давыдовым, почти целиком непригодна для серьезного разговора. Почему факт обновления элиты должен опровергать наличие деспотизма (с. 67)? Почему соображение, что элиты не наказывали простой народ с безоглядной жестокостью и несправедливостью, расшатывает это же понимание? И стоит ли вообще доверять заявлениям высших слоев о том, что они не попирали низших (с. 77–78)? Деспотизм — характеристика политического режима, по сути — древних абсолютных монархий. Смысл данного понятия в том, что формально никто не мог повлиять на волю монарха (фактическое политическое положение дел могло приводить к тому, что его власть предельно истощалась), а не в застойности общественных и политических систем¹³. С. А. Давыдов выступает против такого понимания деспотии, которое относится не столько к сфере

¹³ Типичная аргументация от С. А. Давыдова: «...особенности хозяйственной культуры Древней Месопотамии плохо соотносятся с бытующими представлениями о ней как о культуре “азиатской деспотии”» (с. 98). Продолжая эту мысль, придется говорить о существовании не только деспотических, но и каких-то других, например демократических, хозяйственных структур.

исторической науки, сколько к сфере популярного восприятия истории. Но главное: мало сказать, чем не являлись египетское и месопотамское общества, полезнее сформулировать, чем они являлись. Если это не деспотии, то что тогда? И можем ли мы уверенно говорить о какой-то единой характеристике общественно-политического устройства того или иного региона на протяжении стольких тысячелетий? Да, преемственность между шумерами и вавилонянами очевидна, но одно ли это общество, или, если угодно использовать другие термины, цивилизация?

Другую свою важную идею автор выразил в названии второго параграфа третьей главы: «Скованная свобода и эмансипированное рабство» (с. 98 и т. д.). О рабстве и свободе в древнем мире за последнее столетие было написано много прекрасных работ, касавшихся не только Месопотамии¹⁴, но и других регионов древности, включая Грецию и Рим. Обескураживает, что С. А. Давыдов не ознакомился хотя бы с некоторыми из них, потому что в таком случае он не построил бы свои рассуждения на заведомо негодной фактической базе. Во-первых, он абсолютно серьезно считает, что в XIX в. общим мнением было восприятие всех древних обществ как рабовладельческих при наличии двух основных классов — рабовладельцев и рабов (и полагает, что впервые «в завершённом виде» оспорено это Витфогелем). Иначе говоря, то понимание древней истории, которое сформировалось исключительно в советской историографии в 1930-х гг., приписано всей мировой науке и перенесено на столетие ранее. Во-вторых, С. А. Давыдов не менее искренне отмечает, что для античных обществ такая характеристика в принципе верна: он уверен в том, что античный раб не мог жениться на свободной, вести собственное хозяйство и т. п. (с. 99, 107), и утверждает, что понимание раба как «безмолвного живого орудия» до сих пор еще существует «на страницах некоторых научных изданий» (с. 108), правда, теперь не приводя не только страниц, но и самих изданий. Это означает, что в работе преувеличивается «классический» характер античных форм рабства и, вольно или невольно, преуменьшаются сложности рабского положения в вавилонском обществе (с. 113), ведь далеко не все представители рабского сословия в Вавилонии обладали возможностями для активной экономической деятельности¹⁵.

Таким образом, в сухом остатке оказывается очень немногое: С. А. Давыдов самостоятельно приближается к идее «спектра статусов», получившей свое наилучшее обоснование в работах М. Финли¹⁶, но в целом остается на том уровне понимания древнего общества, который уже был достигнут (и при этом лучше обоснован) в поздней советской историографии. Различие лишь в том, что, по его мнению, гибкость классовой структуры древних обществ «демпфировала классовые противо-

¹⁴ В книге отсутствует статья, которую, казалось бы, нельзя проигнорировать, учитывая избранную автором тематику: *Gelb I. J. From Freedom to Slavery // Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale, München, 29. Juni bis 3. Juli 1970. München, 1972. S. 81–92.* — Конечно, неправомерно требовать знакомства именно с этой работой, но после И. Е. Гельба проблема обсуждалась неоднократно.

¹⁵ Увлекаясь своими рассуждениями, автор вообще приводит в качестве доказательства того, что «шансы получить свободу по суду у рабов были», пример дела, проигранного беглым рабом (с. 109).

¹⁶ Вряд ли здесь уместно приводить полную библиографию работ классика, но одна из его статей, название которой прототипично, в том числе и для поисков С. А. Давыдова, должна быть упомянута: *Finley M. I. Between Slavery and Freedom // Comparative Studies in Society and History. Vol. 6, no. 3 (1964). P. 233–249.*

речия» (с. 115). Ему также импонируют «мобилизационный характер» и стабильность египетской общественной структуры; хотя было бы неплохо, если бы автор, как социолог, предоставил читателям теоретическое обоснование того, что такое сочетание в принципе возможно.

Завершая, следует сказать, что сама задумка историко-социологической монографии о ранних цивилизациях оказалась много интереснее ее воплощения; но причины, на мой взгляд, нельзя сводить только к недосмотру автора. Разрыв между различными гуманитарными и социальными науками в нашей стране оказался слишком большим, а это привело к тому, что многие стереотипы, которых давно нет среди историков, прекрасно живут в среде социологов и экономистов¹⁷. Видно, как тяжело сам С. А. Давыдов выходит из-под гнета подобных стереотипов: старых штампов вроде «классовые предрассудки» (с. 113) у него еще достаточно, и они странно сочетаются с остальной терминологией. Атомизация наук (истоки которой лежат еще в советском периоде) зашла слишком далеко и породила непонимание самими исследователями стандартов смежных сфер знания, поэтому я уверен, что написание историком социологической работы привело бы примерно к тем же последствиям: она была бы понятна историкам, но не убедительна для социологов. Адекватная взаимная оценка должна помочь эти разрывы как минимум не увеличивать.

References

- Afanasev V. V. *Sociology of History*. Moscow, Kanon+ Publ., 2008, 240 p. (In Russian)
- Davydov S. A. *The Banks of the Oecumene. Historical Sociology about the Paradoxes of the Economic Life of the Ancient East*. Ed. by R. A. Kostin. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2016, 131 p. (In Russian)
- Davydov S. A. Despotism in the Practice of Managing the Economic System of Ancient Egypt: Myths and Reality. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2016, no. 1, pp. 5–21 (In Russian)
- Davydov S. A. Ancient Mesopotamia: Fettered Freedom and Emancipated Slavery. *Istoriia i sovremennost'*, 2015, no. 2, pp. 74–92. (In Russian)
- Davydov S. A. The Principles of Economic Management in Ancient Egypt: Modern Sight. *Vestnik fakul'teta upravleniia SPbGEU*, 2017, no. 1–2, pp. 527–532. (In Russian)
- Davydov S. A. Politogenesis of Ancient Society: an Indirect Path to the Early State. *Vlast'*, 2016, Vol. 24, no. 8, pp. 155–159. (In Russian)
- Finley M. I. Between Slavery and Freedom. *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 6, no. 3 (1964), pp. 233–249.
- Gelb I. J. From Freedom to Slavery. *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale, München, 29. Juni bis 3. Juli 1970*. München, 1972, S. 81–92.
- Krapivenskii S. E. Special Formation or Transitional State of Society. *Narody Azii i Afriki*, 1966, no. 2, pp. 87–91. (In Russian)
- Krapivenskii S. E. Transition to Feudalism as a Social Revolution. *Metodologicheskie i istoriograficheskie problemy istoricheskoi nauki*. Iss. 5. Tomsk, 1967, pp. 52–75. (In Russian)
- Prusakov D. B. The Reason for the “Late” Transition to the Neolithic and Producing Economy in Egypt (Materials for Landscape-Climatic Reconstruction). *Istoriia i sovremennost'*, 2005, no. 2, pp. 80–112. (In Russian)

¹⁷ В вузовских учебниках для экономистов «восточный деспотизм» жив: Толмачёва Р. П. Экономическая история: учебник. М., 2003. С. 27; Экономическая история: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления (080100) / под ред. Г. Б. Поляка. М., 2016. С. 41.

- Romanovskii N. V. *Historical sociology*. Moscow, Kanon + ROOI "Reabilitatsiia", 2009, 320 p. (In Russian)
- Sahlins M. *Stone Age Economics*. Moscow, OGI, 1999, 296 p. (In Russian)
- Sethe K. [Rez.:] R. Weill, Les décrets royaux de l'ancien empire égyptien. Étude sur les décrets royaux trouvés à Koptos ... et sur les documents similaires d'autres provenances. Avec 12 planches. Paris 1912, Geuthner. 4°. 111 Seiten. 30 fr. *Göttingische gelehrte Anzeigen*. 174 Jahr. Berlin, 1912, S. 708–709.
- Тюменев А. И. *State Economy of the Ancient Sumer*. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1956, 518 p. (In Russian)
- Wittfogel K. A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven, London, Yale University Press, 1963, 556 p.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2019 г.

Рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Received: November 5, 2019

Accepted: June 8, 2020